

УДК 800.2

ДИНАМИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В КОРПУСЕ ДРЕВНЕРУССКИХ УЧИТЕЛЬНЫХ СБОРНИКОВ

О.Ф. Жолобов

Аннотация

Статья посвящена анализу древнерусских глагольных форм – вариативности и инновационным явлениям в глагольном формообразовании: заменам супина на инфинитив, аориста на перфект, употреблению «русского» имперфекта на *-ахуть*, развитию в презенсе форм на *-тъ* и т. д. Исследование выполнено на материале неизученных рукописных источников XIII – XIV вв. и опирается на новые для диахронического языкознания корпусный и лингвотекстологический подходы.

Ключевые слова: корпусный подход, лингвотекстологический подход, рукописные источники, историческая грамматика, глагол.

Древнеславянские рукописные книги остаются главным источником изучения исторической подвижности, динамики языковых единиц. Особый интерес представляют четыре текста, которые по сравнению с богослужебными книгами более разнообразны по составу и содержанию и менее скованы письменной традицией. Их историко-лингвистическая ценность, в свою очередь, возрастает, когда в руках исследователей оказываются списки одной книги, которые имеют разную хронологическую и локальную отнесенность. Именно таким бесценным источником являются древнерусские списки сборника поучений Ефрема Сирина XIII – XIV вв., называемого «Паренесис», который был переведен в Болгарии в первой половине X в. Известные списки Паренесиса, как подтвердили новые исследования, восходят к одному протографическому источнику [1, с. 99, с. 128–130; 2, с. 25]. Это заключение очень важно, поскольку сопоставление родственных списков создает основание для выявления расхождений – иногда довольно существенных и зачастую индивидуальных – между рукописными копиями одного исходного перевода. Обнаруженные различия позволяют лучше представить диапазон варьирования речевых единиц разных уровней, а также понять причины и мотивы изменений.

Две древнерусские книги являются самыми ранними из сохранившихся славянских списков Паренесиса. Сейчас можно считать установленным, что Погодинский список (РНБ, Погод. 71а – ЕфрСир ок. 1289) был создан около 1289 г., а не в 1492 г., как предполагал А. И. Соболевский [3, с. 79; 4, с. 50], полагаясь на ошибочный разбор записи в конце книги (см. [5])¹. Типографский

¹ Датирование рукописи 1492 г. можно встретить и у современных исследователей (см. [6, с. 120 и сл.]).

список (РГАДА, Тип. 38 – ЕфрСир XIII/XIV) в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг» отнесен к концу XIII – началу XIV в., хотя особая архаичность этой книги скорее свидетельствует о более ранней датировке (см. [7, с. 300–301]). Довольно ранними являются и две другие древнерусские рукописи: Троицкий список относят предположительно к середине XIV в. (РГБ, Тр. 7 – ЕфрСир сер. XIV) (см. [8, с. 225]); Академический список 1377 г. содержит запись о времени, имени писца и месте написания (БАН, 31.7.2 – ЕфрСир 1377). Ранние южнославянские списки относятся к XIV в. Существенно не только то, что рукописи написаны в разное время, но и то, что, как показывает анализ орфографии, разную датировку имеют их антиграфы. Еще более важным для диахронического языкознания является различная диалектная природа рукописных сборников: Погодинский список имеет галицко-волынское происхождение, Типографский – псковско-новгородское происхождение, Академический список создан в северо-восточной Руси, а Троицкий, по-видимому, в западной Руси (см. [9, 10]).

Уже самые ранние древнерусские оригинальные сочинения, написанные во второй половине XI в., обнаруживают знакомство с Паренесисом Ефрема Сирина. Для древнерусских писателей он стал источником словесных образов и композиционных приемов, которые они не просто использовали, но и перерабатывали – в соответствии с духом творческого заимствования, свойственного древнейшим образцам славянской литературы (см. [11, с. 31–33]).

1.1. **Съпасѣтеса / съпасетеса** ‘прощайте’

Очень выразительное свидетельство знакомства с Паренесисом содержит древнерусское Сказание о Борисе и Глебе, созданное во второй половине XI в. (см. [12]). Один из композиционных приемов Паренесиса, связанный с темой прощального приветствия, основывается на редком значении глагола **съпаситеса**, которое соответствовало далеко не общепринятому значению греч. $\sigma\acute{\omega}\zeta\epsilon\tau\alpha\iota$, известному лишь раннехристианской литературе. В этом необычном значении глагол был воспринят автором Сказания, который использовал вслед за первоисточником рефрен и развернутый перечень адресатов обращения. В то же время древнерусский автор значительно уклонился от исходного текста, придав своему изложению совершенно новую смысловую направленность и эмоциональную пронзительность. Если в Паренесисе грешник, идущий в ад, прощается с миром святости и с теми, кто обрел спасение или его может найти, то в Сказании лишаемый жизни священномученик, прощаясь, призывает обрести спасение своих близких и ближних – почивших и живых:

Сказание о Борисе и Глебе

спсиса мнѣхъи мѡи оубо и господине
квснлнѣ • **спсиса** мѣти и госпоже мѡи •
спсиса и тѣхъ братѣ борисѣ старѣишннѡ
оубности мѡиѡа • **спсн|са** и тѣхъ братѣ и
поспѣшителю нарѡславе • **спсиса** и тѣхъ
братѣ и краже стѡпачуе **спсе|теса** и къ
братнѣ и дружино **квси спсетеса** •

Паренесис Ефрема Сирина

спсетеса кси пражедници | ѿ нихже мѣхъ
разлу|нихомса • **спсетеса** приязни и
родствѣа | оци и мѣри снѣе и дѣщери
спсетеса апѣли | прѡрци и мѣници гѣни |
спсетеса унии чернори|застни • **спсиса** и
тѣхъ гѣже стѡа бѣе мрнѣ • тѣхъ бо много
трудиса мо|лащиса насѣ ра^а да мѣхъ

оуже не н|мамаъ касъ видѣти въ жити|и спсѣмса. но мзи неро|дихомъ спѣтиса. семъ • зане разоуучаема| нсма отъ спси|са и тзи крѣте раю жизни| югоже касъ съ н|ужю СБУ XII/XIII, 146 насади гѣ. и тзи| керхобнии керѣме- (СкБГ) ма|ти прѣркомъ и перкѣна|цемъ. и тзи црѣтко нѣно|е не имущек конца| спсѣтеса кси спсѣтеса. оуже во не н|мамаъ видѣти касъ ЕфрСир сер. XIV, 212г–213а

Близость двух источников отразилась в смешении императивных и индикативных форм опорного глагола *спаситиса*.

1.2. Подщраѣти

Глагол *подщраѣти*, не отмеченный словарями, по-видимому, отражает исконную ступень долготы: *подщраѣши* ЕфрСир XIII/XIV, 63в–г (так и в ЕфрСир сер. XIV: *подщраѣши* 101г vs. *поощраѣши* ЕфрСир 1377, 113б; в ЕфрСир ок. 1289 текст испорчен: *ѡбщраѣши* 170а); *подщраѣтъ* 134б. Однако наблюдается варьирование этого гласного с нормальной ступенью: *поощраѣмъ* ЕфрСир XIII/XIV, 133б; *поощраѣтъ* ЕфрСир сер. XIV, 168в (см. статью *поощраѣти* в СДРЯ VII, 186). Ср.: *вънемлюще оучению да не како зѣлѣ. пострадаѣти себе ѡбщраѣюта* КЕ XII, 496 (СДРЯ, V: 471).

1.3. Вѣщанеши – вѣщати, кокетъ – коути

В рукописях корпуса обнаруживаются уникальные архаизмы. Так, в Типографском списке находим формы *вѣщанеши* при инфинитиве *вѣщати* < *вѣс-ѣати* и *кокетъ* при инфинитивной параллели *коути*, которые отсутствуют в исторических словарях: *не вѣше мѣрзи наудни вѣсокзихъ. кѣда не вѣщанеши* мощи *сѣкондѣати* ЕфрСир XIII/XIV, 70г; *и вѣ вѣмъ лицемѣриѣ ткорита. и ластъ кокетъ* 94г.

1.4. *skerbti > *щерети, *скерети

Среди форм Погодинского списка есть новые примеры глагольных образований по первому лескиновскому классу: *ѡскеркенъ* 44а17; *скеркешн* 69в3 (если не считать эти написания ошибками писцов). В.Б. Крысько [13, с. 350], отталкиваясь от аблаутных параллелей типа **-versti/*-vьrzo*, **-čerti/*-čьrpo*, восстанавливает для подобных словоформ исходный праславянский и восточнославянский инфинитив **skerbti > *щерети, *скерети* в противовес предлагаемой А.А. Зализняком форме *скърти*. Форму *скерети* напоминает *ѡскерити* 69в14 в Погодинском списке, хотя здесь снова можно подозревать ошибку писца. Отсутствие палатализации в указанных им примерах В.Б. Крысько считает южным древнерусским диалектизмом. Однако передний вокализм без палатализации в этой корневой морфеме обнаруживает также Типографский список, имеющий псковско-новгородское происхождение (*скъркиши* 3гб; *вѣ скърбахъ*

92в6; поскѣркѣша 110г9 и др.). Отсутствие палатализации может объясняться тесной морфонологической ассоциацией лексем с передним и непередним гласными. Именно на это указывает варьирование гласных в следующих примерах: не ѡскеркѣти ЕфрСир ок. 1289, 1665; поскеркѣти 22в7; скеркѣти 32г10; ѡскеркѣи 33а2, 33а6; ѡскеркѣихъ 33а12; скеркѣицимъ 46б8–9; ѡскеркѣицшаго 64в7–8; скеркѣлю 69в4–5; ѡскеркѣицѣта 74г18; прискеркѣенъ 132г14–15; 144б16–17; поскеркѣете 158а17–18; скеркѣица 225в11; не ѡскеркѣицѣта 259б9; ѡскеркѣица 322г26 и мн. др. vs. скоркѣицю ЕфрСир ок. 1289, 41а12; ѡскоркѣицѣта 63б17; ѡскоркѣица 78г4; ѡскерки 275а7; ѡскоркѣицѣта 318б28. Балтийские параллели подтверждают исконный характер непереднего вокализма (см. Фасм. III: 651). Написания типа скѣрѣки СБУ XII/XIII, 51а8–9, 153в20, скоркѣицю ЕфрСир ок. 1289, 41а12 с непередним органическим гласным и передним вставочным указывают, кроме того, на вероятный источник замен первого гласного под влиянием неорганического переднего гласного, когда палатализация перестала быть живым изменением.

1.5. СКОЛОКЪСА И СКОЛКЪСА

Двусмысленна полногласная причастная форма **сколокъса**: ѡкоже рече^но кѣста . **сколо|къса** нача^лъ . и власти^и на крѣтѣ оуязки ЕфрСир ок. 1289, 46г7–9. Ср. в других списках: ѡкоже рече^но кѣста **сколкъ|са** нача^лъ и власти^и . и| на крѣтѣ оуязки ЕфрСир сер. XIV, 33г11–13; ѡкоже речено кѣста **сколкъ|са** нача^лъ и власти^и на крѣтѣ оуязки ЕфрСир 1377, 34в22–25.

Генетически здесь следует предполагать исходный аблаутный вариант *-*volk-*, закономерное продолжение которого есть в рукописи: **сколкъ|са** кѣтѣцшаго члѣка ЕфрСир ок. 1289, 11б5–6; не| хѣа ли **сѣсколокъса** кѣста 23б5–7; **сколкъ** одежа слакы 25б68–9. Ср. также пример раннего второго полногласия: **тѣлкъ** ЕфрСир ок. 1289, 25б68. Поэтому форму **сколокъса** можно толковать как пример нового второго полногласия (-*volk-* > -*volъk-* > -*volok-*), хотя нельзя исключать обобщения инфинитивной основы с первым полногласием **сѣсколочи**. К этому нужно добавить, что А. И. Соболевский приводит единичные примеры нового второго полногласия в галицко-волынских источниках: *умеретвѣя* в Поликарповом евангелии 1307 г., 114; *доложь* в грамоте 1400 г. [4, с. 37; с. 61].

1.6. Не прѣдложимъ vs. не предолжимъ; некълонимое vs. некълѣимое

Примеры развития групп типа *tylt* > *tlot*, *tъrt* > *trot* были найдены ранее в новгородских источниках. А. А. Зализняк отмечает, что «рефлексы типа *TroT* обнаруживают явную связь с территорией древненовгородского государства, а также со смоленской зоной» [14, с. 51]. Свидетельства галицко-волынского Погодинского списка доказывают, что такое развитие имело место также в юго-западной части восточнославянских земель. Оно захватывало, таким образом, всю западную окраину Древней Руси.

В Погодинском списке находим по да **не прѣдложимъ** слокесе ЕфрСир ок. 1289, 243б7–8 вместо ожидавшегося **прѣдолжимъ**, ср. в других списках: по да **не прѣдолжѣимъ** слокесе ЕфрСир сер. XIV, 149в26–27; по да **не прѣдолжимъ** слокеси ЕфрСир 1377, 160а12–13; нѣ да *не продльжимъ* слово (ПрнЛ 1353, IV: 35). Так же и в иных случаях: и что прочеє рѣчь **прѣдложю** ЕфрСир ок. 1289, 114в12–13; ср. в других списках: и что прочеєє кремѣ **прѣдолжю** ЕфрСир сер. XIV, 71г29–30; и что прочеє кремѣ **прѣдолжю** ЕфрСир 1377, 79а8–10; и что прочеє врѣмѣ *продльжаѣ* (ПрнЛ 1353, II: 203); да не по кѣдиноу глѣще **прѣдложимъ** слокесе ЕфрСир ок. 1289, 248а9–11; ср. в других списках: да не по кѣдиноу глѣще **прѣдолжимъ** слокесе ЕфрСир сер. XIV, 154а1–4; да не по кѣдину глѣше **не прѣдолжимъ** слокеси (sic) ЕфрСир 1377, 163в10–12; да не по единомуу глѣ и *продльжимъ* слово (ПрнЛ 1353, IV: 55).

Наиболее показательно в этом отношении написание, в котором непосредственно отразилось перераспределение гласности вокруг плавного: ○ чистота пристанище **некълонимоє** ЕфрСир ок. 1289, 71в20–21; ср. в других списках: ○ чѣтото пристанище **некълаємоє** ЕфрСир сер. XIV, 47г22–23; ○ чѣтото пристанище **некълаємо** ЕфрСир 1377, 50г18–19; ○ чѣстото, пристанище *невлаємо* (ПрнЛ 1353, II: 41). Страдательное причастие **некълонимоє** (< **некълзнимоє**, **некълнимоє**) более нигде не встречается. Оно, по-видимому, было предназначено прояснить значение близкозвучного страдательного причастия **некълаємоє** (< **некълаємоє**) и должно быть соотнесено с глаголом **кълзнитисѣ** 'волноваться, колебаться, быть беспокойным'. Этот глагол засвидетельствован историческими словарями в причастных образованиях: *Вълнлицеєѣ* боурею море Ирм. ок. 1250 г. 134 (Срезн., I: 380); гла(с) юго ѣко море *волнлицеєѣ* ГА XIII–XIV, 120б (СДРЯ, II: 161). В свою очередь страдательное причастие **некълаємоє** других списков является формой глагола, известного старославянским памятникам; см.: **кълаяти** 'качать': *корака же кѣ по срѣдѣ морѣ кълаєѣ* сѣ кълаєми Мф. 14, 24 Зопр, Мар, Ас (ССС, 144); ср.: **кълати** = **кълаяти** 'волновать': *Не вѣлаємо* пристанище Мин. Празд. XII в. 113 (Срезн., I: 378). Нельзя, правда, исключать того, что в орфографическом плане **некълонимоє** = **некълзнимоє** или **некълзнимоє**, но это маловероятно, если не отрывать эту словоформу от всех других однотипных образований (**трѣпѣти** ЕфрСир ок. 1289, 19в5; **мл[-]кѣ кѣка сего** 29в5; **крѣмлю** 37в20; **кѣзмѣкѣсткѣкѣти** 43б20; **оумрѣтки** 41г10; **трѣпѣнина** 47а17–18; **кѣзмѣнѣ** 55в9; **сѣдрѣгнути** 63г17–18; **кѣлѣшкѣнѣ** 113б19–20; **трѣпѣликѣ** 113г1; **скрѣкѣ** 313г22 и под.).

1.7. Образование форм настоящего времени 3 л. ед. ч. на -тъ

Материал рукописных списков Паренесиса доказывает, что замена форм настоящего времени 3 л. ед. ч. *пишетъ* и под. на формы **пишетъ** и под. была обусловлена фонетическими причинами – ассимилятивным отвердением согласного после утраты редуцированных гласных. Сначала твердый согласный

появляется перед энклитиками, вызывающими ассимиляцию, а затем формы с твердым согласным начинают обобщаться в свободном, внеэнклитическом употреблении. См. в Погодинском списке: да|рѹкѣт нѣ ЕфрСир ок. 1289, 16в16–17; сподокит нѣ 17г15; прѣ|пиралѣт нѣ 2566–7; ѡ|бращѣт нѣ 2768; сподокит нѣ 2768–9; поставит нѣ 27621; принесет ко 3069–10; принесут ко 36615–16; ѡ|стакит нѣ 45г11; пишет ко 64г11–12; пишет ко 70в20; пишет ко 77619; оу|схѣтит нѣ 77в17–18; карает нѣ 79г2; аще ли ключит нѣ| сѣ 83г21–22; пишѣт ко 84а6–7; ѡ|рѣзает нѣ 85614; имут ко 90в12; прѣ|дѣстоѣт ко 92г8; изкакит нѣ 97г8–9 и мн. др. vs. пишѣтъ ко 6612; пишѣтъ ко 8а12; глѣтъ ко 8г21; оучит нѣ 12г2; приндута ко 15а2; подо|каѣтъ ко 18г2–3; сѣ|блюдет нѣ 38г17; кѣ|знесет нѣ 53а11–12; покрѣ|жет нѣ 55г22 и мн. др. Отсюда и вне энклитического контекста: не |щадит 200в1. Так и в более поздних списках: оучит нѣ ЕфрСир сер. XIV в., 13в16–17; Ѡ|бращѣт нѣ 22в18; и|зкакат нѣ 3065–6; Ѡ|стакит нѣ 3369; оучат ко 99г10 и под., откуда изредка без энклитик: жикѣтъ 38а14; прино|ситъ 39616–17. Показания корпуса важны также для определения хронологии данного изменения. Во всех списках преобладают исконные формы на *-тъ*.

1.8. Распространение форм настоящего времени 2 л. ед. ч. на *-шь*

Показательны для характеристики славяно-книжного языка данного периода новые индикативные формы на *-шь* рядом с исконными на *-ши*: можѣш ЕфрСир ок. 1289, 37в4; кѣ|зможѣшткѹишь 4968–9; покѣ|дишь 49в20–21; имѣш 25069; дѣ|лаѣш 252а9–10; не оу|готокишь ЕфрСир XIII/XIV, 53624–25; сѣ|тѣжѣш 73в14–15; лѣ|нишѣсѣ 106г24; не по|губишь ЕфрСир сер. XIV, 18в32–33; видѣ|лѣш будѣш 48г22; чаѣш 146628. Переписчики, свободно владея книжной нормой, не считали ее признаки раз и навсегда данными и позволяли себе варьировать их по своему усмотрению. Основопологающим свойством нормы являлись не столько те или иные образцы форм, сколько их вариативность, поэтому в книжных источниках допускается использование новых разговорных вариантов грамматических форм. Отсутствие разговорных вариантов данного типа в Академическом списке обусловлено консервативными установками писца, которые проявляются и за рамками данного изменения.

1.9. Инновации в императиве

В корпусе нашло отражение обобщение императивных форм с суффиксом *-ѣ-*, о котором обычно ничего не говорится при рассмотрении динамики повелительного наклонения: ни ри|зѣми ма|кѣкѣми ѡ|дѣ|жѣмѣсѣ ЕфрСир ок. 1289, 322а; пла|чѣ|мѣсѣ сѣдѣ мало ЕфрСир XIII/XIV, 139в–г; имѣ|тѣ и сѣ|жѣ|тѣ ѣ|крѣ|пко 225г; і пакѣ мо|лю кѣ^{во} кра|тѣ на|ка|жѣ|тѣ| вѣ|шинѣнѣнѣ ЕфрСир сер. XIV, 36г; не| напишѣ|тѣ лицѣ жене|скѣ ЕфрСир 1377, 82г и под. Поскольку чтения с данными императивными образованиями повторяются в разных списках, их следует считать отражением старославянского протографа. Действительно,

суффиксальный *к вместо исконного и в третьем лескиновском классе представлен в большинстве старославянских памятников. В Супрасльской рукописи данные образования преобладают, а в Саввиной книге только они и известны [15, с. 252]. Древнерусской инновацией стало обобщение суффиксального и вместо исконного *к в дв. и мн. ч. первого и второго глагольных классов: *кѣсацѣмъ стрѣжѣныемъ сѣблюдите себѣ* ЕфрСир ок. 1289, 217в; *не кланитеса* ЕфрСир XIII/XIV, 132а2; *клюдитеса* 139г3; *терѣпелники будите* ко ксѣ^м ЕфрСир сер. XIV, 36г; *не щитеса* 74в5; *керзите* 93в31; *поманите* 13711–12; *супротика станиите дѣлкоу* 165в8–9; *не будите несмыслени* 8в15–16; *будите страднѣнопріимци . и прѣднѣни будите* 72г; *пріимите* 167а3 и под. Наиболее широко обобщение нового суффикса представлено в Троицком списке, который отличается большой свободой и в отражении других инноваций. В Академическом списке подобных замен мало и они почти целиком ограничены формой *будите*. Для писца здесь оказывается важным лексический принцип, который он распространяет и на некоторые другие инновации. Общим местом для всех списков является смешение индикативных и императивных форм.

Как и в индикативе, конечные безударные гласные в императиве сокращаются: *помѣиса къзѣблене* ЕфрСир ок. 1289, 26в14–15; *плачтеса* 82а11–12; *будате* 104б8; *почюдѣмѣса люкмици* 145г1–2; *оудиате* 153г7; *плачса* 297в16.

Новые императивные формы 2 л. ед. числа типа *плачъ* < *плачи* обобщаются в плюральной подпарадигме. В результате исконное окончание 1 л. мн. числа *-мь* > *-и* попадает в совершенно новый морфонологический контекст и его употребление становится невозможным. Это ведет к оживлению и активизации древних флективных алломорфов *-мы*, *-мо*: *оукомоса* ЕфрСир ок. 1289, 23г3; *по разумѣмо* 25а7–8; *плачѣмѣса* 77в13–14; *оусплачѣмоса* 122в21–22; *почюдѣмѣса* 145г1–2; *плачѣмѣса* 226в18; *плачѣмоса* 229а18–19; *алчѣмо* 274а20; *помилуимо* 274а21 и др. В настоящее время формы на *-мо* известны сербскому, словенскому, словацкому и украинскому языкам (см. [16, с. 252–253; 17, с. 161]), а приведенные примеры в Погодинском списке самые ранние в древнерусской письменности.

1.10. *Полезукалъ; къпадехъ*

В Погодинском списке тенденции морфонологической генерализации проявляются наиболее ярко. Эта рукопись была приготовлена непрофессиональными переписчиками и содержит большое количество диалектизмов разного характера. Наряду с приведенными выше императивными формами отметим также следующие случаи генерализации. В Погодинском списке был найден самый ранний пример замены *о* на *у* нефонетического типа, который в дальнейшем станет приметой украинского языка: *полезукалъ кси* 259а9 (вместо *полазюкалъ*). Переход здесь обусловлен обобщением гласного, представленного в основе настоящего времени *полазюю*, *полазююши* (чередование *-ок-//у-* восходит к утраченному дифтонгу **-ои-*). В украинском языке старым инфини-

тивам на -окаѣти/-екаѣти соответствуют формы на -увати/-ювати, которыми поглощаются и образования с суффиксами -ыва-/-ива-: *вылежуватися, выліковувати, виловлювати, вилугоувати, вилуджувати, вилуплювати, вилюднювати, виляскувати* и под. (СлУкр, 72).

Очень отчетливо тенденции генерализации заметны и в развитии других инноваций. Так, в 1 л. обобщается флективная форма аориста 3 л. на -е: *кѣпадехъ кѣ| стѣра^{ста} снѣ* 177а2–3 (вместо *кѣпадохъ*); *азъ нѣ оукрадехъ| чашѣ* 309б7–8 (вместо *оукрадохъ*). Такое же обобщение формы 1 л. ед. числа возможно в 1 л. мн. числа: *прогнѣкахъмѣ* 161а11 (вместо *прогнѣкадохъ*).

1.11. Имперфект с так называемым аугментом

Яркой особенностью имперфекта в источниках восточнославянского происхождения является варьирование форм *несяше* и *несяшетъ*, *несяху* и *несяхуть* и под. Формы второго типа характеризуют как имперфект с приращением, или аугментом. Недавно В.М. Живов опубликовал посвященную аугменту имперфекта статью с характерным названием: «ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов» [18]. Он устраняется от вопроса о происхождении аугмента (что странно для палеославистического исследования), сосредоточившись на его функционировании в древнерусской письменности.

Нужно заметить, что исторически никакого аугмента, или приращения, в формах имперфекта на -ть нет, поэтому и говорить об имперфекте с аугментом можно весьма условно¹. Древнерусские вариантные формы *кѣдѣашѣ* и *кѣдѣашетъ*, *имѣаху* и *имѣахуть* отражают смешение вторичных и первичных окончаний в праславянском – *-t, которое отпадает по закону открытого слога, и *-tb < *-tī. Имперфектные формы на *-tb очень важны для понимания варьирования в презенсе: *пишетъ* и *пише*, *соутъ* и *соу* и т. д. (ср., например, в Троицком списке Паренесиса: *зѣло ко радукѣтсѣ кѣ ѿ каюци|хсѣ. ѿ прикѣмле кѣ сѣдѣтѣ испокѣданнѣ на|ше* ЕфрСир сер. XIV, 135б). Формы второго типа, как известно, в ряде славянских языков стали единственно возможными. Морфологические варианты в презенсе точно отражают имперфектные параллели и имеют тождественное происхождение. Варьирование в презенсе, как и в имперфекте, обусловлено смешением первичных и вторичных окончаний в праславянском языке. В связи с этим получают объяснение и старославянские формы настоящего времени типа *идѣтъ*, *градѣтъ*. Употребление конечного -тъ вместо исконного *-tb результат все того же смешения окончаний, проявившегося в древнеболгарском в их контаминации – *-tb + *t.

В древнерусских списках Паренесиса, как и в других памятниках восточнославянского происхождения, формы имперфекта на -ть наблюдаются рядом с более обычными формами без древнего окончания: *оудокѣ ѡсѣкахусѣ| люкѣ же не ѡсѣка|шесѣ полѣху оудокѣ оузѣ же люкѣкенѣ|на не рѣшахусѣ* .

¹ Здесь этот термин вряд ли уместен еще и потому, что в индоевропеистике аугмент обозначает прежде всего глагольные приставки, присоединяемые к претеритам в индикативе (см. [19, с. 52]).

по|тапа|ла|ху|са теле|са| ст|х|а лю|б|ви| же| их|а| не| по|тапа|ла|ше|са| с|з|ва|зо|ва|ху| пак|зи| те|ла|са| пр|д|б|н|и|х|а| лю|б|ви| же| их|а| не| с|ва|зана| в|и|с|е|б|ма| ЕфрСир ок. 1289, 232б; и| и|ко| з|ло|д|ѣ|и| в|ѣ|н|и| в|ѣ|ва|ху| . и| не| г|н|ѣ|ва|ху|са| ни| р|з|п|ѣ|та|ху| ЕфрСир XIII/XIV, 7г; и| пр|и|хо|жа|ху| в|с|а| не|ѣ|н|и|а| п|т|и|ца| и| ѡ|д|а|ху| ѿ| п|ло|да| в|н|и|ч|на|го| ЕфрСир сер. XIV, 1в; ѡ|ни| в|з|д|е|р|жа|ху|са| . аз| же| с|ко|т|ас|к|ы| ѡ|д|а|х|а| и| п|т|а|х|ѣ|са| . ѡ|ни| по|а|ху| с| по|ка|ѡ|н|и|е|ма| . аз| же| мо|л|ча|х|а| . ѡ|ни| в|з| ц|р|к|ѣ| ѡ|д|а|ху| ко|л|ѣ|но|ма| на| по|кло|н|е|н|и|е| . аз| же| д|р|ѣ|ма|х|а| с|но|ма| и| спа|х|а| : ѡ|ни| мо|ла|ху|са| . аз| же| г|л|у|м|ла|х|ѣ|са| . ѡ|ни| с|м|ѣ|ра|ху|са| аз| же| в|е|л|и|ч|а|х|ѣ|са| ѡ|ни| и|з|мо|жа|да|ва|ху| аз| же| к|ра|са|х|ѣ|са| ЕфрСир 1377, 118г и мн. др.

В Погодинском, Типографском и Академическом списках имперфект на *-ть* появляется лишь перед местоименной энклитикой *и* 'его': ц|р|ѣ| на|р|и|ца|ху|тъ и ЕфрСир ок. 1289, 124б; пр|и|з|ва|к|ѣ|ши| ѡ|ц|и| к|р|ѣ| оу|п|ра|ша|ху|тъ и 241а; и| в|л|ѣ|а|ху|тъ и| с|ѣ|к|е| в|ѣ|ка| с|е|го| д|н|ѣ|н|ѣ| же| б|ѣ|и| г|но|у|ша|ху|са| [так] ѡ|го| ЕфрСир XIII/XIV, 12б; ѡ|ко| ка|ме|н|е| б|е|з|до|у|ш|на| в|н|а|ху| . и| по|в|д|р|г|ѣ|ше| и| з|а| в|ѣ|ю| в|л|ѣ|ч|а|ху|тъ и| ко|н|ѣ| из| в|с|и| 39а; и| х|в|а|л|ѣ|ху|тъ и| с|н|о|к|е| в|ѣ|ка| с|е|го| ЕфрСир 1377, 57а; и| з|а|| в|ѣ|ю| в|л|а|ч|а|ху|тъ и| 91а–б; и| з|а|оу|ша|ху|тъ и| 257а; и| в|з|е|л|ѣ|ше| т|р|о|с|ѣ| в|ѣ|а|ху|тъ и| по| г|ла|в|ѣ| ѡ|го| 257б. В Типографском списке это правило не всегда выдерживается: в|з|п|ра|ша|ху| и| по| ч|ѣ|то| не| пр|и|де| в|з|с|во|р|ѣ| к|р|ѣ|те| ЕфрСир XIII/XIV, 115б; пр|и|з|ва|к|ѣ|ше| ѡ|ц|и| к|р|ѣ|та| в|з|п|ра|ша|ху| и| г|л|ю|ще| 115г. Местоимение нигде не смешивается с союзом *и*: с|и|ц|е|к|а| лю|б|ла|ху| и| в|з| д|н|и| но|ѣ|к|ы| ѣ|д|а|ху| и| п|и|ѣ|ху| и| же|н|а|ху|са| и| по|са|га|ху| и| ко|уп|лю| т|в|о|ра|ху| ЕфрСир XIII/XIV, 57г и под. В формах ед. ч. окончание *-ть* не используется, встречаются лишь формы *кидаше*, *люблаше* и под. Функциональная специализация форм на *-хуть* налицо: писцы избегали обшечного звучания, которое могло возникать при чтении синтагм типа *хвалаху* и [18, с. 211]. Само окончание *-ть* пишется скорее по морфологическому принципу, нежели фонетическому, поскольку перед следующим *и* оно должно было звучать как *-ти*. В Погодинском списке переписчик в одном случае обозначил звуковой переход – позиционное изменение редуцированного: и| мо|ла|ху|ти| и| ст|ко|р|ит|и| м|л|т|к|у| с|е|б|е| р|а|ди| ЕфрСир ок. 1289, 54в (*-ти* исправлено из *-та*).

Иное распределение форм наблюдается в Троицком списке. Оно направлено на сохранение варьирования как такового и лишено какой-то иной функциональной направленности. Формы на *-ху*, с одной стороны, и на *-хуть*, с другой, встречаются там, где их не должно быть:

ѡ|ни| же| д|ре|ко|л|ѣ|ма| ѡ|ко| ка|ме|н|ѣ| б|е|з|до|у|ш|на| в|н|а|ху| . и| по|в|д|р|г|ѣ|ше| и| з|а| ш|ю| в|л|ѣ|ч|а|ху| и| ко|н|ѣ| из|о| в|с|и| ЕфрСир сер. XIV, 82б; з|а| в|ѣ|ю| в|л|а|ч|а|ху| и| по| в|ѣ|з|ч|а|ю| 82в

vs.

но| и| п|си| пр|и|хо|да|ще| ѡ|б|л|и|з|а|ху|тъ| г|но|и| ѡ|го| 53б; ѡ|д|а|ху|тъ| и| п|и|а|ху|тъ| . и| же|н|а|ху|са| и| по|са|г|а|ху| . и| к|уп|лю| т|в|о|ра|ху| 97а; т|ѣ|с|у|ща| т|ѣ|с|у|ща| пр|е|с|то|ѡ|а|ху|тъ| ѡ|му| . и| т|м|ѣ| т|м|а|м|н| с|л|у|жа|ху|тъ| ѡ|му| 208а.

В отличие от других списков здесь представлены формы 3 л. ед. ч. на *-иеть*: **вѣдѣшѣтъ** же ѿ вѣжнѣю| снѣ дѣрцами ЕфрСир сер. XIV, 86в.

Есть также примеры форм на *-ть* перед энклитикой *и*, как в других списках: **ѿ хѣвѣлѣхутѣ** и **снѣкѣ сѣѣтъ сѣгѣ** ЕфрСир сер. XIV, 53а; **вѣ|прашахутѣ** ѿ по что| не приде вратѣ вѣ зѣорѣ 147в; **призѣвѣ|вѣ** же ѿ оци ѿ вѣрѣѣ **вѣ|прашахутѣ** ѿ глѣше 147г.

Употребление имперфекта в Троицком списке соответствует общему духу рукописи, в которой наблюдается множество разнообразных вариантов, так что этот источник является своего рода сводом варьирующихся форм. Очень ярко это проявилось уже в графико-орфографических особенностях рукописи: в ней встречаются все вероятные типы дублетных графемных звеньев.

В системе имперфекта отмечаются морфонологические инновации – обобщение немодифицированной инфинитивной основы: **красѣхѣсѣ** ЕфрСир 1377, 118г23 (вместо закономерного **красѣхѣсѣ**); **приходѣ|хѣ** 235в22–23 (вместо закономерного **прихожахѣ**).

Имперфект в Типографском списке выделен в другом отношении. Здесь довольно широко представлены нестяженные формы, что необычно для позднедревнерусского источника, который датируют рубежом XIII и XIV вв. См.: **коздѣржаахоуѣ** ЕфрСир XIII/XIV, 69г; **оклекѣтаахѣ** 95б; **нарѣцашѣсѣ** 107г; **ѿгѣкаахоуѣ** 109в (×2); **не можаахоуѣ** 109в; **полѣахоуѣ** 109в; **коудѣше** 116б; **поѣжадѣахоуѣ** 123а и др. Их нельзя считать старославянизмами, перенесенными из протографа, поскольку целый ряд подобных форм содержит собственно древнерусские фонетические или орфографические признаки, неизвестные ни старославянским памятникам, ни более поздним древнеболгарским или древнесербским источникам. Имеются в виду ассимиляция **-ѣа-** > **-ѣа-** и появление варьирующихся орфограмм с буквой неорганического носового после мягких согласных (**можаахѣ** vs. **сѣшѣаахѣ** и под.). Данные особенности, наряду с другими, указывают на то, что антиграфом Типографского списка является древнерусская рукопись конца XI или начала XII в., характерные признаки которой были переданы переписчиками Типографского списка, что только увеличивает его историческую ценность. Точная передача архаических черт в позднедревнерусский период – вещь совершенно необычная, из ряда вон выходящая. Данные факты заставляют по-новому взглянуть как на сам труд профессиональных писцов, так и на причины и период развертывания архаизирующих тенденций в восточнославянской письменности.

1.12. Супин vs. инфинитив

В корпусе списков Паренесиса содержатся новые ранние свидетельства утраты узко специализированных форм и замены их многозначными аналогами. Так, маркированные конструкции с супином заменяются нейтральными параллелями с инфинитивом: **приклѣ|жишѣсѣ днѣкѣни отѣ клѣ|роѣ** **прѣломитѣ** **хѣ|вѣ** **прѣ|дѣложеннѣ** ЕфрСир XIII/XIV, 116а vs. **прикѣлишишѣсѣ| дѣкѣни**. **ѿ клѣ|роѣ** **прѣломитѣ** **хѣ|вѣ** **прѣ|дѣложеннѣ** ЕфрСир ок. 1289, 241в (с формой ВП вместо РП **хѣ|вѣ** при супине) и др.

1.13. Аорист vs. перфект

В корпусе списков Паренесиса фиксируется живой процесс обобщения в прошедшем времени перфектных обозначений: *проси оу тебе| ... и дастъ кмю* ЕфрСир сер. XIV, 116в vs. *проси оу тебе ... и| далъ кси кмю* ЕфрСир 1377, 130в; *сеа радма люкбе вѣ вѣчлвчиса* ЕфрСир 1377, 152г vs. *сеа рад люкбе вѣ вѣчлвчиса* ЕфрСир сер. XIV, 141б и под. Перфект имел целый ряд коммуникативных преимуществ по сравнению с аористом. В перфекте не было свойственной аористу омонимии форм 2 и 3 л. ед. ч., неразличения аористных и стяженных имперфектных форм у глаголов на *-ати* (*знахъ, знаете* и т. п.), совпадения с формами презенса или императива аористных образований типа *несе* или *носи*. Образование перфекта не было сковано видовой характеристикой основы. Такой недостаток перфекта, как его аналитизм, был мнимым, поскольку изначально отсутствовал в формах 3 л., а в конструкциях с эмфазой субъекта допускалось упрощение перфекта как аналитического образования при употреблении его иных форм.

1.14. Утрата спряжения в сослагательном наклонении

В учительных сборниках представлены одни из наиболее ранних свидетельств развития новой, неспрягаемой, формы сослагательного наклонения: *молаше ба да вѣша| спасиса* ЕфрСир 1377, 90г vs. *молаше^с вѣ да вѣ сплсиса* ЕфрСир сер. XIV, 82б; да *вѣ|хъ* того *не савшала* ·| страшнаго ѿкѣта ЕфрСир 1377, 105г vs. да *вѣ не савшала|* страшнаго ѿнога ѿкѣта ЕфрСир сер. XIV, 94б.

1.15. Не хотаче; борючиса; протика же и са

Причастные образования с восточнославянским рефлексом *tj > ч в рукописях указывают на коммуникативную востребованность причастий в древнерусской речи, в то время как абсолютное преобладание форм старославянского происхождения с рефлексом *tj > щ доказывает их освоенность и узуальный характер (ср.: *кшпачь* ЕфрСир ок. 1289, 206в3; *поглачена* 284в11; *молачи* ЕфрСир XIII/XIV, 5г8–9; *не| хотаче* 51г14–15; *стко|рмаче* 77б7–8; *не| кдадуче* ЕфрСир 1377, 34б22–23; *не хотаче* 149в10 и др.). Симптоматично, что все эти формы являются именными (как правило, номинативными по происхождению) и по большей части соотносятся не с атрибутивной, а с предикативной функцией. Сравнение одних и тех же чтений в списках свидетельствует об этом со всей определенностью: *люби|мици глумимъса ·| не хотаче нзинѣ вѣспранути · вѣ малок се кремь* ЕфрСир 1377, 149в vs. и *мѣ любимци| глумимъса не хоще^с| нзинѣ вѣспранути| вѣ малок се кремь* ЕфрСир сер. XIV, 138б.

Развиваются членные формы адъективного типа: *пакѣ вѣдѣ тдрпата · со морамь борючиса* ЕфрСир XIII/XIV, 16г (вместо исконного образца *боручиса*).

Совершенно необычным является употребление определенного члена *и* не в составе причастия, а после других энклитик – *же* или *бо* – в Типографском списке: **ПРОТІКА| ЖЕ І СЛ КМОУ· ДНІАБОЛА| КЪСЕЛАІІСТА К СЛ** ЕфрСир XIII/XIV, 104в (ср.: *протікаи же сл* ЕфрСир сер. XIV, 135в; ЕфрСир 1377, 197а); **КЪ СЛАКОМА БЕЗОУМАСТК^к| ОУДОКА ОУКАЗНЕТА· НЕ КЪЗДЕРЖА БО І СЛ ІСТА ІІ** ПО|ХОТИ АБКА· **НЕ КЪЗДЕРЖА| БО І СЛ** КЪ СЛОВЕСАХЪ МНО|ЗЪХЪ· КИДИМЪ ІСТА НА| ПРАЗДНОСЛОВІІ ІІ НА К^у|ІСТА 97а (ср.: *не къздержан бо сл* ЕфрСир сер. XIV, 128г; ЕфрСир 1377, 141б–в).

Таким образом, древнеславянские рукописные списки Паренесиса Ефрема Сирина содержат разнообразный историко-лингвистический материал и представляют новые данные по исторической грамматике. Корпус данных источников требует издания и самого пристального и детального рассмотрения и описания.

Работа выполнена в рамках научного проекта «Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста», 2.1.3/2987 (аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» Федерального агентства по образованию РФ).

Summary

O.F. Zholobov. Dynamics of Verbal Forms in the Old Russian Homiletic Compilations Corpus.

The paper deals with the analysis of the Old Russian verbal forms, i. e. variability and new phenomena in the verb formation: substitution of the supine for the infinitive, the aorist for the perfect, usage of the “Russian” imperfect ending in *-ахуть*, development of the forms ending in *-тъ* in the present tense, etc. The research is carried out using the unstudied manuscript sources of the 13th – 14th centuries and is based on the new approaches to the diachronic linguistics such as the corpus and the linguotextological ones.

Key words: corpus approach, linguotextological approach, manuscript sources, historical grammar, verb.

Источники

- ЕфрСир ок. 1289 – Паренесис Ефрема Сирина, РНБ, Пог. 71а. – 328 л.
 ЕфрСир XIII/XIV – Паренесис Ефрема Сирина, РГАДА, Тип. 38. – 143 л.
 ЕфрСир сер. XIV – Паренесис Ефрема Сирина, РГБ, Тр. 7. – 246 л.
 ЕфрСир 1377 – Паренесис Ефрема Сирина, БАН 31.7.2. – 258 л.
 ПрнЛ 1353 – Паренесис Ефрема Сирина по среднеболгарскому Лесновскому списку 1353 г. // Bojkovsky G., Aitzetmüller R. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrens. – Bd. I – IV. – Freiburg i. Br.: Weiher, 1984–1988.
 СБУ XII/XIII – Успенский сборник XII – XIII вв. – М.: Наука, 1971. – 768 с.
 СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.), Т. I – VIII. – М.: Рус. яз.; Азбуковник, 1988–2008.
 СкБГ – Сказание о Борисе и Глебе.
 СЛукр – Українсько-російський словник. – Київ: Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1985. – 940 с.

- Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I – III. – СПб., 1893–1903.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1999. – 842 с.
- Фасм. – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I – IV. – М.: Прогресс, 1986–1987.

Литература

1. *Оgren И.* Паренесис Ефрема Сирина. К истории славянского перевода. – Uppsala: Almqvist & Wiksell International, 1989. – 146 с.
2. *Voss Ch.* Die Paränesis Ephraims des Syrerers in südslavischen Handschriften des 14.–16. Jahrhunderts. Zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung. – Freiburg i. Br.: Weiher, 1997. – 330 S.
3. *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. – Л.: Наука, 1980. – 194 с.
4. *Соболевский А.И.* Очерки из истории русского языка // Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и коммент. В.Б. Крысько. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 248 с.
5. *Жолобов О.Ф.* Летосчислительные обозначения и датировка рукописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – Вып. 3 (21). – С. 31–32.
6. *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI – XIV веков. – М.: Наука, 2000. – 543 с.
7. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI – XIII вв. – М.: Наука, 1984. – 405 с.
8. Предварительный список славяно-русских рукописей XI – XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. – М.: Наука, 1966. – С. 177–272.
9. *Жолобов О.Ф.* Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Междунар. съезд славистов. Охрид, 10–16 сент. 2008 г. Доклады российской делегации. – М.: Индрик, 2008. – С. 51–75.
10. *Жолобов О.Ф.* Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71a // Russian Linguistics. – 2009. – V. 33. – С. 37–64.
11. *Жолобов О.Ф.* Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Тип. 38 // Russian Linguistics. – 2007. – V. 31. – С. 31–59.
12. *Aitzetmüller R.* ‘Spasi se “lebe wohl” im Skazanie von Boris und Gleb’ // Anzeiger für Slavische Philologie. – 1989. – Bd. 14. – S. 179–180.
13. *Крысько В.Б.* Русско-церковнославянские рукописи XI – XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. – М.: Индрик, 2003. – С. 339–355.
14. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект: 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
15. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 448 с.
16. *Мейе А.* Общеславянский язык. – М.: Прогресс, 2000. – 500 с.
17. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка // Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по исто-

- рии русского языка / Предисл. и коммент. В.Б. Крысько. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 300 с.
18. *Живов В.М.* ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов // Восточнославянское правописание XI – XIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 200–224.
19. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

Поступила в редакцию
24.09.09

Жолобов Олег Феофанович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.
E-mail: ozolobov@mail.ru